

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Ермакова Ксения Валентиновна

**Костюм в повседневной жизни москвичей
второй половины XIX в.**

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность 07.00.07 - этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2008

Работа выполнена на кафедре этнологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Заседателева Лидия Борисовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Мартынова Марина Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент
Данилова Елена Николаевна

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита состоится 27 октября 2008 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д.501.001.78 МГУ им. М.В. Ломоносова по
адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп.4,
исторический факультет, ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной
библиотеки им. А.М. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова, I
гуманитарный корпус.

Автореферат разослан «__» сентября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Кандидат исторических наук, доцент _____ Ю.И. Зверева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В современных условиях интенсивного развития культуры потребления в России возрос интерес к материальной стороне жизни и повышению ее качества. Этим объясняется высокий спрос на информацию по вопросам моды, истории костюма, одежды, вещей. За последние десятилетия по данной тематике увеличился поток работ в основном научно-популярного характера. Однако формирование вкуса во многом зависит от качества публикуемой информации. Наряду с позитивными началами рост информационно-коммуникационного обмена ставит новые проблемы, такие как навязывание западных модных стандартов, а вместе с ними и соответствующих образцов поведения, чужой системы ценностей и взаимоотношений. В ответ на эти тенденции вопросы сохранения исторических культурных норм и идентичности становятся важными и обсуждаемыми. Таким образом, на первый план выходит необходимость изучения не только истории культуры и быта, но и особенностей психологического подтекста культурного взаимодействия человека и материального мира вещей.

«История костюма – это история культуры в самом широком смысле этого слова. Все, чего смогло достичь человечество в разных сферах деятельности, нашло свое отражение в одежде. Костюм дает представление о культурных и экономических контактах народа, его эстетических идеалах и обычаях»¹. Действительно, под влиянием культурных взаимовлияний, технических усовершенствований, традиций и моды, эстетические каноны сильно меняются. Но новая форма – лишь пьедестал следующей формы. И даже при известной стандартизации распространяемых модных тенденций, своеобразии восприятия, связанное с социальными установками, культурой, психологией, остается неизменным. В этом плане актуальной исследовательской задачей представляется изучение особенностей укоренения западных влияний на московской территории и истории развития московской культуры поведения.

¹ Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. М., 2002. С.7.

Постановка проблемы

До недавнего времени история костюма как часть материальной культуры анализировалась в основном в контексте истории социальных процессов и модернизации общества. Но вещи не просто существуют, а по-своему влияют на жизнь общества, характер и содержание господствующих социальных отношений.

Биография вещей представляет собой реальность, в которой, как и в любом жизненном цикле, можно выделить три основных этапа: появление, функционирование и исчезновение. Вещи, появившись на рынке, а затем в повседневной жизни человека, определенным образом организуют быт и удовлетворяют потребности. Потеря всякой утилитарной и символической значимости предмета означает его «гибель». В этой связи возникает вопрос: почему предметы становятся бесполезными и каков механизм их социальной гибели?

Мы остановимся на одном из аспектов культурной биографии вещей – роли и значимости одежды в московском обществе второй половины XIX – начала XX вв. Такой подход к анализу материально-вещественной среды, дополненный этнографическими и историческими наблюдениями, представляется продуктивным для понимания специфики городской повседневности.

С костюмом тесно взаимосвязаны понятия «мода» и «обычай». От слова «обычай» (лат. «consuetude», француз. «costum», итал. «costume», англ. «custom») происходит само слово «костюм», включающий в себя как сам комплекс одежды, так и прическу, грим, обувь, аксессуары, - т.е. все то, что формирует целостный внешний облик человека. Изменение же форм костюма ассоциируется со словом «мода». Исторически в разных языках слова «обычай» и «мода» были взаимосвязаны, но с течением времени превратились в противоположные понятия. Обычай стал олицетворять постоянство, стабильность, неизменяемые стереотипы поведения, а мода – быстропроходящую популярность чего-либо. В целом, и мода, и обычай – это формы социальной регуляции жизни в обществах различных типов, некоторые способы поведения людей по отношению к тем или иным ценностям и объектам.

Обычай и традиции поддерживали способы обращения с вещами, имеющими как бытовые, так и социальные значения. Вещи, обладали большой ценностью и находились в использовании длительное время, что способствовало наделению вещи множеством

символических смыслов. Мастера прошлого веками воспроизводили древние эталоны, и чем точнее была копия, тем ценнее произведенный образец. Вещи, наследуемые от старших поколений, служили до полного физического износа и не знали износа морального.² Поэтому из поколения в поколение передавались и навыки ремонта старых вещей.

Мода, как порождение индустриальной культуры, подразумевает другое отношение к вещам, предполагающее легкое расставание и замену предметов. Таким образом, вещи функционируют в направлении постоянного обновления.

По определением социологов, мода как социальное явление не может действовать в обществах: 1) статичных, неизменяющихся; 2) социально однородных или с жестко фиксированной иерархией социальных групп, между которыми не может производиться обмен культурными образцами и невозможно взаимопроникновение; 3) со строго ограниченным набором культурных эталонов; 4) замкнутых, закрытых.

Мода - обычное социально-культурный процесс в обществах: 1) динамичных, стремящихся к изменениям и проводящих их; 2) социально дифференцированных, но мобильных, не разделенных непреодолимыми барьерами; социальные группы могут не только подражать друг другу, но и изменять свой статус; 3) избыточных, т.е. имеющих возможности для тиражирования материальных и культурных образцов; 4) открытых, осуществляющих контакты с другими культурами и обладающих средствами и каналами коммуникаций.³

Из истории моды, как массового социального явления, известно, что ее первые ростки появились в эпоху Возрождения, затем в XVIII в. мода стала влиять на поведение узких кругов знати. Но только в XIX в. сформировались необходимые социальные факторы, определившие распространение моды в масштабе массовой культуры. Среди них главные: промышленная революция с ее техническими нововведениями, политические перестановки, ломка сословий, изменение межнациональных и межрегиональных границ, трансформация социально-экономической и общественной жизни.

² Гофман А.Б. Мода и люди. М., 2000. С.42.

³ Там же. С.42.

Таким образом, с этого времени мода превращается в одну из важных форм социальной регуляции поведения различных слоев населения.

По мнению французского философа Ж. Бодрийера, мода, изменяющаяся каждый сезон, развитие массового производства, возрастающая скорость товарообмена в индустриальной культуре изменяют биографии вещей, сократив продолжительность их жизни.⁴ Это оказалось верным по отношению к западной культуре, где вещи, одежда обувь, бытовая утварь уже давно действуют в рамках концепции новизны.

Развитие русской культуры потребления отличалось от этой модели. Вплоть до середины XIX в. устройство русского общества было сословным, с жесткими регламентами и четкими предписаниями в отношении элементов быта. Николай I постоянно уточнял классификацию подданных, вводя дополнения в существующие униформы. Таким образом, общество разделялось на отдельные социальные среды с различными знаковыми системами социальной самоидентификации, где вопросы моды были предопределены: она оставалась прерогативой узкого слоя населения. Костюму приписывалась особая социализирующая функция.

С приходом к власти императора Александра II начался период реформ и преобразований всех сторон государственной и общественной жизни. После крестьянской реформы 1861 г. вместе с социальным освобождением пришло духовное раскрепощение народа, усилился процесс демократизации культуры. Огромное значение имел научно-технический прогресс, ускорился процесс вхождения русской культуры в общемировую.

Однако сближение и взаимовлияние русской и западной культур остро поставили вопрос о сущности русской национальной и культурной идентичности. В этих условиях вопросы используемой одежды, пищи, стиля языка приобрели особый смысл, став фактором самоутверждения и самоидентификации.

На языке предметов противостояние моды и обычая, отразило ключевую проблему русской истории XIX в. – схватку двух различных миров западноевропейской культуры высших классов и культуры русского крестьянства, соперничество Петербурга и Москвы. Комплексное взаимодействие между этими социальными

⁴ Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С.387.

средами имело значительное влияние на национальное самосознание, все виды искусства и костюм XIX в.

Со второй половины XIX в. Москва, издавна считавшаяся средоточием традиционных русских начал и кардинально отличавшаяся от Запада, начинает превращаться в один из наиболее быстро развивающихся капиталистических городов мира. В то же время европейские новшества попадали в общество с традиционной религией и сложившимися обычаями, а потому неизбежно подвергались изменениям, адаптируясь к определенной психологии и внутренним стандартам города.

Цель и задачи исследования

Таким образом, цель данной работы - исследовать повседневный московский костюм как средство выражения социально-культурной идентичности, как источник информации о свойствах характера, привычках и образе жизни различных социальных слоев населения Москвы второй половины XIX в.

В этой связи предполагается решить следующие задачи:

показать на примерах воздействие на костюм и внешние формы быта москвичей с одной стороны моды, с другой обычая.

рассмотреть бытовые стороны взаимодействия человека и одежды в условиях городской среды.

выделить наиболее характерные социально-групповые особенности в костюмах, связанные с соответствующими групповыми ценностями.

проанализировать роль и значимость одежды в повседневной жизни представителя различных социальных слоев Москвы.

Следует отметить, что в задачи данного исследования не входит детальная характеристика конструктивных элементов русского костюма, что уже сделано искусствоведами и историками костюма.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – москвичи различных социальных групп. Предмет – костюм как способ социальной адаптации и идентификации.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1850 – 1900-е гг. Двадцатый век характеризуется становлением других принципов общественно-политической жизни, новых идеалов духовных и внешних, поэтому в работе затрагиваются лишь первые годы XX в, сохранявшие основные тенденции предшествующего времени.

Методология и методы проведенного исследования

Методологическую основу исследования составили принципы и методы этнологической науки – историзм, системность, комплексность. Использование типологического, структурного и сравнительно-исторического методов позволило рассмотреть московскую культуру потребления в динамическом развитии и целостной взаимосвязи с процессами культурной жизни в общеевропейском контексте. Использование структурного метода было необходимо для проведения анализа костюма по отдельным социальным группам населения Москвы. Завершается исследование обобщающей характеристикой целостного представления о московской культуре потребления XIX в.

Научная новизна работы

В данной работе впервые в рамках этнологической науки проводится анализ московского костюма с точки зрения повседневных практик различных социальных слоев населения Москвы 60-х - 90-х гг. XIX в. В научный оборот вводятся малоизвестные и неисследованные в данном контексте источники.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора. Диссертация обсуждалась, была одобрена и рекомендована на заседании кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Автор апробировал результаты исследования во время выступлений на теоретических конференциях и семинарских занятиях по культурологии и социальной психологии в рамках учебной программы «Социология и психология» в вузах ИНЭП, ГАСИС, МГУ.

Некоторые результаты исследования были применены автором при разработке и подготовке сценических костюмов для молодежного фестиваля национальных культур в Московском доме национальностей.

Структура и объем диссертации

Работа состоит из введения, семи глав, заключения, библиографического списка источников и литературы, приложения с иллюстрациями. Основной текст диссертации изложен на 195 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава основной части посвящена источникам и историографии.

Источники. Задачи данного исследования потребовали обращения к различным источникам, которые условно можно разделить на четыре группы: художественная литература, мемуары и воспоминания, графический материал и периодические издания.

К первой группе относятся произведения М.Н.Загоскина «Москва и москвичи», «Купеческая свадьба», где подмечены типические черты представителей среднего слоя городского дворянства, «образованного купечества» конца 40-х начала 50-х гг. XIX в. Важным источником для работы стал роман П.Д.Боборыкина «Китай-город», действие которого разворачивается в Москве. Тема романа – оскудение дворянства и зарождение русской буржуазии в 70-х гг. XIX в. Манера письма П.Д.Боборыкина, фактографически точное воспроизведение мельчайших деталей быта, «портретирование» персонажей, изобилие подробностей и описаний костюма представляет для нас ценность. Энциклопедический характер романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» используемого нами в качестве источника, проявляется не только в обилии примет и проблем времени, но и в описаниях костюма. Романы Л.Н.Толстого и П.Д.Боборыкина, привлекли наше внимание тем, что в них показаны изнутри жизнь и быт различных слоев московского общества: у Толстого – аристократии, у Боборыкина – среднего дворянства, купечества.

Общественный образ купечества ярко отображен в пьесах А.Н.Островского. Рисуя классические образы купцов разных поколений, А.Н.Островский, вместе с нравами и обычаями отмечает и особенности костюма, манеру одеваться в купеческой среде, что важно для нашей работы.

С именем писателя И.Т.Кокорева связано появление нового литературного жанра «физиологических очерков», правдиво отражавших жизнь «людей низшего звания». Бытовые зарисовки И.Т.Кокорева показывают облик московской бедноты, вышедших из крестьян мастеровых, мелких ремесленников. Литературная деятельность другого бытописателя «бедноты» - Г.И.Успенского охватывает период 60-90-х гг. Художественные очерки Успенского

основывались на фактах жизни и статистических данных, таким образом они дают важную информацию о жизни и быте населения рабочих окраин.

Среди авторов, в творчестве которых особое место занимает «московская тема», следует назвать А.П.Чехова. Об особенностях москвичей Чехов писал в «Осколках московской жизни» (1883-1885) – серии из 51 очерка, которые печатались регулярно два раза в месяц.

Вторую группу источников составила мемуарная литература. Сохранилось множество дневников, писем, воспоминаний, эпистолярных корпусов, принадлежащих как лицам известным - Л.Н.Толстому, братьям Чеховым, Репину, Брюсову, так и их менее знаменитым современникам, например историку-богослову, москвоведу Н.П.Розанову. Книга Розанова «Воспоминания старого москвича» принадлежит к документам, которые только в начале XXI в. были извлечены из архивов. Наряду с сообщениями о повседневной жизни представителей культуры, религии, политики, автор приводит интересные бытовые подробности, касающиеся формирования гардероба москвичей.

Важным источником для нашего исследования стал сборник «Московская старина», куда вошли воспоминания московских старожилов, относившихся к различным сословиям, культурным слоям и профессиональным группам. Среди них адвокат А.Ф.Кони; юрист Н.В.Давыдов, принадлежавший древнему дворянскому роду; писатель Н.Д.Телешов; академик историк М.М.Богословский; популярный тенор и литератор П.И.Богатырев, хорошо знавший нравы и обычаи торговых рядов; московский купец И.А.Слонов; поэт-самоучка И.А.Белюсов, начинавший свою литературную жизнь среди лавочников, мещан, портных Замоскворечья, – вот далеко не полный перечень авторов сборника «Московская старина».

В очерках В.А.Гиляровского «Москва и москвичи» можно найти описания студентов из «Латинского квартала», банщиков, трактирщиков, парикмахеров, а также обитателей московских трущоб: Хитрова рынка, Сухаревки, Толкучки – образов, без которых представление о Москве конца XIX в. было бы неполным. Для более подробного рассмотрения этой последней группы деклассированного населения мы также воспользовались работами известного публициста, этнографа И.Г. Прыжова (1827 - 1885). Для нас особый интерес представляет заключительная часть сочинения «Нищие на

святой Руси», где автор исследует нищих Москвы, подробно описывая особенности их внешнего облика.

Ценнейший материал для нашей темы представлен в произведениях живописи и графики, особенно портретной и жанровой, составивших третью группу источников. В основном мы обращаемся к творчеству художников, работавших в Москве или учившихся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Среди них В.В.Пукирев, В.Г.Перов, продолживших бытовой жанр, вслед за П.А.Федотовым, проявившего свой талант в конце первой половины XIX в. Важным источником стало творчество художников-передвижников 70-90-х гг. И.М.Прянишников, А.Е.Архипова, Н.А.Ярошенко, И.Е.Репина, и особенно В.Е.Маковского, который показал жизнь почти всех социальных групп и сословий в наиболее характерной для них обстановке. К петербургской школе принадлежит Б.М.Кустодиев, но он интересен как создатель стилизованных, обобщенных жанровых портретов-типов купцов и купчих, трактирщиков, извозчиков, разносчиков, приказчиков. Москва начала XX в. также представлена в творчестве художников русского авангарда – Казимира Малевича, Василия Кандинского, сумевших символически выразить дух новой Москвы. Особенно информативна в этом плане картина В.Кандинского «Дама в Москве», перекликающаяся с героиней чеховской «Дамы с собачкой».

Четвертую группу источников составили периодические издания, альбомы, журналы с разделами моды, фотодокументы, законы и постановления, касающиеся одежды. К этой группе относится журнал «Нива» с модным приложением; иллюстрированный журнал литературы, науки и искусства «Огонек»; художественно-юмористический журнал «Стрекоза» и др. а также специальные научные журналы, такие как «Живая старина» или сборники «Живописная Россия», литературно-общественные журнал «Русская старина», где помещались статьи-обзоры, указы и распоряжения властей о costume.

В специальных журналах мод давались в основном тонко выполненные черно-белые иллюстрации. Текст занимал меньшую часть журнала и содержал сведения о новинках каждого сезона и модных тенденциях. Таких изданий было множество и западноевропейских, и отечественных. В конце XIX в. в модных журналах стали появляться фотографии. В отличие от картинок

фотоматериалы более реалистичны. Костюмы на них имеют более простой крой и сшиты из обычных материалов.

Историография. Тема данного исследования потребовала ознакомления с работами как историческими, так и социологическими, где теоретические проблемы моды разработаны авторами с самых различных точек зрения. Так американская исследовательница А.Янг, подвергнув статистическому анализу развитие европейского женского костюма с 1760 по 1937 гг. и определив господствующую моду каждого года, выделила модные циклы на основе изменений формы юбки. В период 1850-1900 гг. попали два типа юбки: форма колокола – 1830-1867 гг. (цикл 38 лет), юбка с задней полнотой – 1868-1899 гг. (цикл 32 года). Попытки выделения модных циклов делались А.Кребером и Д.Ричардсоном, проследившими изменения в женской одежде с XVII в. до 30-х гг. XX в. по шести параметрам – длина и ширина юбки, длина и ширина талии, глубина и ширина декольте. Хотя авторы выделяют базовый столетний цикл колебаний этих параметров, они осторожны в выводах и не склонны рассматривать свои данные как закономерность. Значительные расхождение в критериях выделения циклов и их длительности, ставят под сомнение обоснованность того или иного параметра. Таким образом, периодизация на основе стилевых признаков остается противоречивой.

Среди исследователей, уделивших внимание моде как социальному явлению, французский философ Ж.Бодрийар, социологи А.Аппадурои, И.Копытофф, рассмотревшие проблему культурной биографии вещей, отечественные исследователи А.Б.Гофман, проанализировавший моду как форму социальной регуляции, психолог М.Килошенко и др.

Среди немногочисленных этнографических работ, можно отметить сборники, выпускаемые русским географическим обществом (1853-1864), в которых есть информация по костюму второй половины XIX в., но на московской одежде акцента не делается.

В конце XIX-начале XX вв. проблемами костюма занимались чаще медики – С.П.Боткин, Лесгафт, А.И.Соловьев. Историки костюма также рассматривали одежду в медицинском аспекте. К таким работам относится «Очерк истории и гигиены женской одежды» В.Д.Орлова. Анализируя проблему соответствия женской одежды XIX – XX вв. требованиям гигиены, автор дает положительный ответ «со стороны материала» и отрицательный «со стороны внешней формы одежды».

В русской дореволюционной литературе работ, посвященных русскому костюму, мало. В основном это исследования историков искусства. В советское время появлялись работы, затрагивавшие отдельные вопросы развития костюма. К ним относятся статьи в периодической печати 30-х гг. XX в, например, интересная с точки зрения методологии исследования костюма, статья М.Алпатов «Очерки по истории современного европейского костюма», где рассматриваются социальные причины конструктивных изменений в костюме.

В 50-е гг. проблема русского костюма изучалась рядом ученых, в том числе этнологами, Н.И.Лебедевой и Г.С.Масловой. В статье, посвященной русской крестьянской одежде конца XIX - начала XX вв., авторы провели картографирование женских головных уборов, установив их связь с определенными комплексами одежды и выявив этнографические области их распространения.

Для изучения специфических черт русского костюма исследовалась литература по истории русской городской⁵ и крестьянской одежды.⁶ Небольшие разделы по этой теме имеются в книгах Р.В.Захаржевской «Костюм для сцены»⁷ и Е.В.Киреевой «История костюма».⁸ Эти издания предназначены для театральных работников, чем обусловлена специфика изложения материала, применяемого к задачам воспроизведения костюма для сцены.

Альбом под редакцией В.Ф.Рындина «Русский костюм», изданный в 60-е гг. также имеет цель дать материал по костюму для оформления спектаклей. Тем не менее, этот альбом дает обширный справочный материал для нашей работы, так как в нем отражено развитие костюма в России от XVIII – до начала XX вв.

Среди исследований 70-х гг. можно отметить диссертацию искусствоведа Г.А.Сургановой «Русский городской женский костюм 25-95-х гг. XIX в.», рассмотревшую развитие женского городского костюма в соответствии с особенностями декоративного искусства. Придерживаясь ленинской периодизации (дворянский период 1825-

⁵ Гиляровская Н. Русский исторический костюм для сцены. М., 1945.

⁶ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX в. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

⁷ Захаржевская Р.В. Костюм для сцены. М., 1967.

⁸ Киреева Е.В. История костюма. М., 1970.

1861, разночинный период 1861-1895), автор исследовал костюм на материале Москвы и Петербурга.

В 80-90-е гг. появляется ряд публикаций сотрудника ГИМ Т.С.Алешинной, где автор анализирует модели собраний ГИМ и рассказывает о моде конца XIX – начала XX вв.⁹ Автор характеризует одежду представительниц обедневшего московского дворянства и буржуазии. Другой автор – Н.Пушкарева в статье «Обморок лягушки и бараний окорок» также описывает женский костюм второй половины XIX - начала XX вв., систематизируя его по десятилетиям.

Среди исследователей, занимающихся историей развития моды, следует выделить историка костюма Р.М.Кирсанову. В своих работах «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX вв»; «Московский “Латинский квартал”»; «Сценический костюм и театральная публика в России XIX в.», «Русский костюм и быт XVIII-XIX вв.» автор анализирует костюм как важное выразительное средство в произведениях живописи и литературы. «Латинский квартал» описывает быт и одежду московского студенчества. Материал монографии «Сценический костюм и театральная публика в России XIX в.», расположенный в алфавитном порядке, объединен тремя темами: костюм в культуре, костюм в живописи, костюм в литературе. Автор рассматривает историю появления каждого типа одежды в России, источник заимствования названия, особенности кроя.

К известным современным исследователям принадлежит театральная художник и историк моды А.Васильев. Коллекции фотографий, собранных в книгах-альбомах «Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов», «Русская мода. 150 лет в фотографиях», мини-сборниках по истории моды – «Русские красавицы», «Русские денди» и др., позволяют составить представление о развитии русской моды, о становлении русских домов моды, о господстве эстетических ориентиров у привилегированных слоев общества. Однако основное внимание уделяется развитию моды уже в XX в. и интересующий нас аспект

⁹ Алешина Т.С. К истории производства готового платья в Москве в середине XIX - начале XX в. // Исторический музей. М. Вып. 67. 1988. С.133-147; Платьев без отделок решительно не видать // Наше наследие. 1993. №27. С.102-109; Из эпохи Анны Карениной // Наше наследие. 1894. №32. С.107-113; Наряды московской купчихи // Юный художник. 1955. №7. С.28-30.

повседневной бытовой культуры Москвы в них затронут мало. Таким образом, книги Васильева представляют для нас интерес только в методологическом отношении.

В целом анализ литературы показывает, что сведения об одежде москвичей второй половины XIX в. отрывочны и беспорядочно разбросаны по массиву изданий. Некоторые данные можно найти в общих изданиях по русскому костюму и моде, но они имеют косвенную привязку к Москве. Хотя сегодня издается немало исследований о быте Старой Москвы, а вопросы истории и теории моды многосторонне разрабатываются современными авторами, в научном обороте нет работ, где московский бытовой костюм пореформенного периода рассматривается как самостоятельный этнографический феномен. В этой связи систематизация данных и воссоздание московского стиля одежды имеет научный и практический интерес.

Во второй главе **«Мода и русский костюм второй половины XIX в.»** рассматривается краткая предыстория проникновения модных инноваций и заимствований в Россию, анализируются основные модные тенденции, предлагавшиеся журналами мод для мужской и женской одежды второй половины XIX в.

В истории русского костюма имело место уникальное явление, когда запрет на национальный костюм исходил не от завоевателя, навязывающего свою бытовую культуру побежденному народу, а от законного государя. Со времен Петра I аристократия вынуждена была изучать иностранные манеры, как иностранный язык, при помощи постоянной имитации и подражания западным образцам. Модный внешний вид был залогом успеха и «кодексом чести».

В разделе **«Основные тенденции мужской моды»** описаны изменения, происходившие в мужской одежде на протяжении изучаемого периода.

Согласно европейской моде мужской костюм должен был быть деловым, практичным, удобным, но строгим и солидным, соответствующим положению. Мужская одежда становится однообразной.

В 50-х гг. создается стандарт мужского делового и повседневного костюма, впоследствии незначительно меняющегося за счет мелких деталей. Основным становится костюм с сюртуком или пиджаком, жилетом и брюками, фасоны, цвета и отделка которых задаются модой. Строгий по цвету и фасону мужской костюм

разнообразили только мелочи: галстуки, драгоценные булавки, запонки, часовые цепочки, головные уборы, трости, зонтики и др. Главные перемены измерялись сантиметрами, сменой положения плечевого шва, количеством пуговиц и т.д. В целом мужской костюм второй половины XIX в. мало подвергался изменениям. Единообразие форм оставляло ограниченные возможности для индивидуализации костюма, но принцип иерархии проявлялся в покрое, качестве материала, в мастерстве исполнения костюма. Отличия могли сказаться в чудачестве или в проявлении консервативного вкуса.

В разделах **«Основные тенденции женской моды 50-х – 60-х гг. XIX в»** и **«Основные тенденции женской моды 60-х – 90-х гг. XIX в»** рассматриваются конструктивные изменения женской одежды, согласно журнальной периодике.

Для женщин успех в жизни означал удачное замужество. Поэтому главной целью женского наряда было привлечь внимание. Вся светская жизнь держалась на женской красоте, уме и обаянии. Умение разбираться в тканях, цветах, фасонах, парфюме и косметике, кроме того, начитанность, знание языков, навыки игры на музыкальных инструментах становились нормой для дамы высшего общества.

Модные формы женского платья, далекие от какой-либо практичности отличались чрезмерной декоративностью, рассчитанной на броский эффект. При всей разнотильности женских нарядов XIX в. их неизменный атрибут – широкие длинные юбки. Главной темой моды была декорация. Юбки покрывались рисунками цветочных гирлянд и букетов, расшивались тесьмой, галуном, кружевом, узорными лентами, бархатными отделками, воланами и драпировками. На пошив платья расходовалось не меньше десятка аршин материи, что требовало значительных денежных затрат. Кутюрье Парижа - лидера в индустрии моды, изобретали бесконечное количество форм одежды, разграничивая ее не только по сезонам и назначению, но и по часам дня.

На смену огромным кринолинам в 70-х гг. пришла мода на громоздкие турнюры и драпировки, которые, меняя местоположение, оставались в моде на протяжении всего XIX в. Другим постоянным элементом был корсет, менявший форму от десятилетия к десятилетию и, наконец, пришедший к причудливой форме буквы S. Подлинный идеал силуэта модерна остался только на рисунках

художников, поскольку женщины не пошли на сознательный перелом спины.

С конца XIX в. одежда стала анализироваться на соответствие санитарно-гигиеническим требованиям. Начинается движение за функциональность. Медики критиковали многие элементы женского туалета. Среди них - длинные, пышные юбки с кринолинами и шлейфами, обременяющие тело большим весом, собирающие грязь с улиц и служащие переносчиками болезней. Но более всего осуждались корсеты, деформирующие спину и внутренние органы, препятствующие нормальному дыханию, и как следствие вызывающие малокровие, чахотку, неврастения и нервные болезни, которыми так знаменит XIX в. Женская обувь с высокими каблуками и узкими носками, шившаяся долгое время одинаковой для левой и правой ног, добавляла неустойчивости и деформировала ноги.

Мода начала XX в. также пропагандировала нездоровую худобу и бледность. Мотивы манерной усталости, изящной немощи, медленного умирания и хрупкости стиля модерн в продолжение XIX в. сделали «популярными» характерные болезни – нервные расстройства, головные боли.

Художники в тесном сотрудничестве с медиками старались проектировать удобные платья и даже спортивные костюмы, но красотой и изысканностью они не отличались. Поэтому основными пользователями реформированных платьев стали гувернантки и передовые женщины.

Для высшего света главным критерием оценки оставалась модная красота. Вещь выбиралась не как совокупность полезных свойств и качеств, но как образ, статус, набор виртуальных характеристик, определяющих социальное положение. Все неудобства компенсировались модностью и престижностью.

Тем не менее, в отношении костюма русской женщине повезло больше западной. Французская мода пришла сравнительно поздно, после реформ Петра I, а до того законодательницей русской моды была Византия с ее «постнической идеей» и свободной сорочкой до пят с широкими и длинными рукавами. Кроме того, после войны 1812 г. на волне патриотического подъема в России возросла популярность различных стилизованных крестьянских форм одежды, и дамы высшего света появлялись на балах в свободных платьях-сарафанах.

В третьей главе **«Костюм “дворянской” Москвы»** на материале воспоминаний мемуаристов костюм и образ жизни

московского дворянства рассматривается с точки зрения бытовой повседневности. Помимо модных западных тенденций, внешний облик аристократической Москвы зависел от объективных внешних условий московской среды, и в этой связи затрагиваются проблемы пореформенных изменений в благоустройстве города, в торговле и легкой промышленности.

Главная «расхожая» торговля Москвы была сосредоточена в «городе», состоящем из трех улиц: Никольской, Ильинки и Варварки. Тут можно было приобрести все по более низкой цене. Модные товары продавали на популярной Ножовой линии. Основными районами модной индустрии были Кузнецкий мост, Петровка, Столешников и Газетный переулки, Тверская. В то время как большинство торговых лавок продолжало использовать вывески с неграмотными надписями и картинками, изображавшими сущность торгового предприятия. Светскость этих «районов» отражалась в использовании на вывесках галлицированных имен и названий зарубежных фирм. Нерусское имя или возможность похвалиться близостью к императорскому двору («Поставщик Двора Его величества») повышали престижность заведения.¹⁰ Стремясь привлечь посетителей, под французскими вывесками работали и русские мастера.

Хотя список магазинов Кузнецкого моста все время умножался и в Москве быстро распространялись заведения, связанные с удовлетворением потребностей «шика», во второй половине XIX в. готового платья фабричного пошива еще не существует. Первые фабрики появились только перед первой мировой войной, а до того готовое платье производилось кустарным способом в мастерских с невысоким техническим оснащением.

В Европе в XIX в. благодаря изобретениям: французской жаккардовой машины 1808 г., американской швейной машинки Э.Хоу 1845 г., предшественницы известной зингеровской машинки 1850 г., - стало возможным изготовление сложных тканей и появление промышленного производства готовой одежды. Постепенно и в портновском промысле Москвы из массы мелких заведений выделяются крупные швейные мастерские, налаживающие

¹⁰ Gohstand R. The Internal Geography of Trade; Вся Москва адресная и справочная книга на 1910 год. М., 1910.

производство готового платья – конфекциона. Но до массового изготовления готовой одежды в Москве было еще далеко.

Заказывать одежду за границей или покупать готовые иностранные наряды в таких магазинах, как «Виль де Лион» на Кузнецком мосту, Ю.Шлезингера на Большой Дмитровке, было дешевле, чем шить в Москве. Но когда в 80-х гг. XIX в. цены на заграничную одежду сильно выросли, иметь модельное дело стало выгодно и в Москве открылось множество швейных мастерских. Однако количество копируемых модных образцов было ограниченным. Неповторимость костюма целиком зависела от мастерства портнихи, и платье создавалось как произведение искусства, подчеркивающее принадлежность к высшей «касте».

Новое модное платье стоило баснословных сумм. Поэтому даже среди московских барынь существовал обычай за неимением собственных эксклюзивных вещей брать платья и украшения напрокат. Хотя некоторые наряды, появляясь по очереди то на той, то на другой особе, приобрели всеобщую известность, гости, одетые богаче других, пользовались знаками особого внимания и предпочтения. мода требовала постоянной смены нарядов, и чтобы прилично выглядеть, даже богатые женщины старались экономить и по-новому переделывать у модистки старое платье, как, например, жена статского советника Анна Каренина.

Длительное отсутствие модного платья фабричного пошива и рукодельные практики способствовали созданию персонифицированных предметов, подчеркивающих индивидуальность. Но оригинальность костюма московского дворянства определялась еще и тем, что помимо европейской моды на него оказывали влияние особенности быта русской провинции, поскольку московская аристократия была продолжением провинциального дворянства, проводившего все теплые месяцы в деревне и приезжавшего в Москву только на осенне-зимний сезон балов.

В отсутствие развитой деловой культуры Москва существовала как город эксцентриков. Здесь была страсть к чудачествам, когда дворянин мог нарядиться в женское модное платье или пойти на паперть в костюме нищенки.¹¹ Кроме того, после войны 1812 г. все элементы русского крестьянского быта получили новое

¹¹ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 2007. С.377.

патриотическое значение. Крестьянский кафтан поддевка надолго поселился в гардеробе дворянина в форме домашнего халата, который не снимали даже днем, принимая гостей. Халат также стал символом особой русской барственности, получившей название – обломовщина. О распространенности халата на протяжении всего XIX в. свидетельствуют неоднократные упоминания современников и произведения живописи. Такой костюм даже служил своего рода доказательством верности и уважения к традициям своей страны.

Весь быт и костюмный облик дворянина базировался на постоянном труде слуг, окружавших его с раннего детства. Отношения между родителями и детьми были строги и формальны. Материнское тепло ребенок получал в основном от няни, кормилицы. В XIX веке сформировался своеобразный ностальгический культ няни и детства, поскольку общество требовало от дворянских детей раннего взросления. Этой цели служила и детская одежда, которую шили по подобию взрослой или перешивали из старых взрослых вещей.

Передача ребенка с рождения на попечение кормилицы была повсеместной традицией аристократических семей. Вплоть до революции особую социальную роль кормилицы подчеркивал ее костюм в русском стиле - сарафан, кокошник, белый фартук.

Костюм остальной женской прислуги составляли закрытые скромные платья, сшитые близко к моде, но без турнюров и шлейфов, фартук, чепец и наколка. Часто одежда горничным, экономкам перепадала с барского плеча.

До 1861 года прислуга состояла большей частью из крепостных, отпущенных в город по оброку. В середине XIX в. еще действовала «Табель экипажам и ливреям по различию чинов», грозившая хозяевам, одевавшим слуг «не по чину», штрафом или арестом до трех месяцев.¹² Но предписанные дорогие французские ливреи использовались только в богатых дворянских домах, дворцах, в приемных сановников и в театрах. К концу XIX в. «Табель» потеряла свое значение. Слуг стали наряжать в соответствии со вкусом и финансовым положением хозяина. В Москве появилось немало контор, где можно было нанять для балов, званых обедов и вечеров профессиональных лакеев и официантов, одетых соответственно заказу. После отмены крепостного права быт дворянских семей упростился, количество прислуги сильно

¹² Русский костюм. 1750-1917. Вып. 3, М., ВТО. 1963. С.22.

сократилось. Многие семьи стали обходиться наемной женской прислугой – боннами, камеристками, горничными. Но здесь возникали новые проблемы, так как найти покладистую, честную, неболтливую прислугу за небольшую сумму оказывалось сложно.

В целом общеевропейские модные тенденции в быту и костюме оставались нормой для аристократии. Хотя к началу XX в. тысячи дворян потеряли свои родовые гнезда и принуждены были искать заработка, который для них, не подготовленных к какой-либо профессии, находился редко, их внешний облик отражал стремление, не смотря ни на что, одеваться достойно, сохраняя отличительные манеры благородного сословия.

В четвертой главе «**Костюм Москвы “купеческой”**» рассматривается, как эволюционировал купеческий костюм по мере изменений купеческого образа жизни, понятий и отношений к традициям и моде.

Московское купечество до реформы 1861 г. замкнуто жило своими духовными и материальными интересами на узких улочках Замоскворечья. Внешность купцов, с их длиннополыми кафтанами и бородами, была напоминанием о крестьянстве, из которого многие были выходцами. Бородатый купец в русской рубашке, чуйке был обычной московской фигурой.

Но уже в третьей четверти XIX столетия купца назовут фигурой, определяющей жизнь в Москве. Хотя купцы уплачивали огромную долю налоговых сборов, одалживали дворянам крупные суммы, в России не разделявшей буржуазного культа денег, культурная элита относилась к торговцам и коммерсантам с презрением. Московская аристократия не допускала их в свою среду. Возымев неприязнь к аристократии взаимно, некоторые купцы сознательно подчеркивали народное направление в одежде в знак гордости за свое сословие.

На смену старому консервативному купечеству постепенно пришло поколение полностью европеизированное. Эти купцы стали носить сюртуки из темного сукна, брюки навыпуск, модные жилеты, рубашки, галстуки, полудлинные стрижки волос. Бороды перестали быть отличительным признаком купца, поскольку вошли в моду у мужчин всех сословий.

К началу XX в. разница в платье между старшими и младшими поколениями купцов несколько сгладилась. Кафтаны, поддевки, длиннополые сюртуки стали заменяться пиджаками, короткими

сюртуками, фраками. Обычай носить с возрастом традиционный купеческий костюм как более солидный уходит, но и мундирное платье, одетое без крайней необходимости, считалось дурным тоном.

Купцы-нувориши старались не отставать от дворянской аристократии. Они сами носили модное платье, наряжали жен и дочерей как светских дам. Следуя модным журналам, московские купчихи к и без того пышным и сверх украшенным платьям от себя добавляли бантов, бахромы, кружев. К глубоко декольтированным бальным нарядам, тесно облегающим крупные фигуры, надевались жемчуга, бриллианты, многоцветные перстни.

Некоторые особенности купеческого стиля оставались неизменными. При модном костюме сохранялись старинные русские украшения и обычай, запрещающий замужним женщинам появляться на людях простоволосой. Характерной прической были промасленные волосы, расчесанные на прямой пробор, но делались и модные прически в парикмахерских. Волосы прикрывались у замужних шелковым золотошвейным платком, уложенным «головкой». Прическу украшали сетки, вышедшие из моды наколки. Все это сочеталось с модным платьем, купленным на Кузнецком мосту, в Гостином дворе, а то и выписанным из Парижа. Ультрамодные платья с увеличенным турнюром, драпированными юбками и шлейфом носили только жены и дочери крупных буржуа, банковских дельцов и фабрикантов. Даже при достаточно элегантном модном костюме, излишняя отделка выдавала происхождение.

Помимо роскошных нарядов жен и дочерей, богатые купцы, получив возможность в 70-90-х гг. держать ливрейную прислугу, стремились превзойти дворянство, переманивая к себе бывших барских слуг, знающих аристократические правила и умеющих придать дому нужный тон.

Но в целом, несмотря на быстрое и успешное развитие торгово-промышленного класса, купечество переняло европейские модные порядки и костюм только к концу века. Моде следовало меньшинство - владельцы фабрик и заводов, богатые купеческие роды, связанные с внутренней и внешней торговлей, финансовыми капиталами. Осторожное отношение к моде сохранялось в купеческой среде. Степенные купцы не торопились ей следовать, низшее и среднее купечество носило деревенское, мещанское, традиционно купеческое платье, но не модное.

Разница в костюме была обусловлена расслоением в купеческой среде. После реформ купеческая масса непрерывно пополнялась новыми торговцами и мелкими промышленниками из среды крестьян, ремесленников, мещан. В уже сложившемся купечестве шли процессы обогащения, разорения, перехода из одного купеческого слоя в другой, а также выход из купеческого сословия образованной молодежи. Манера одеваться зависела от принятого в купеческом кругу отношения к обычаям, от принадлежности к официальной или старообрядческой церкви. Таким образом, в купечестве второй половины XIX в. одновременно бытовали как модное платье или сочетающее в себе нечто от моды с традиционным купеческим костюмом, так и одежда крестьянского типа.

В пятой главе **«Мода и интеллигенция. Костюм как форма выражения социальных настроений»** рассматривается костюм интеллигенции, характеризуется отношение к официальной моде, отмечается особая роль одежды в жизни студенчества и «просвещенной» молодежи второй половины XIX в.

Вокруг термина «интеллигенция» и сегодня ведутся споры. Изначально понятие «интеллигент», введенное в 60-е годы писателем П.Д.Боборыкиным, обозначало недоучку, выгнанного из университета и болеющего за народ. В России интеллигенция, в отличие от принятого на Западе понимания термина – как группы людей, профессионально занятых умственным трудом, - была идеологической, а не профессиональной или экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, объединенных идеями социального характера.

Интеллигенция видела свой нравственный долг в просвещении народа, служении ему. В знак солидарности с крестьянством в обиход интеллигенции вводились ситцевые или полотняные рубахи-косоворотки с узким поясом, брюки, заправленные в сапоги, поддевки и др.

В период между 1861 и 1885 гг., когда форменная одежда для высших учебных заведений была отменена, костюм революционно настроенных студентов, составили широкополые черные шляпы, блузы или темные косоворотки под пиджаком, длинные до плеч волосы, борода и усы, синие или дымчатые очки, дубинки из можжевельника в руках и пледы на плечах. Этот костюм стал способом протеста против жесткой дисциплины и запретов николаевского времени, однако пледы - символы свободы и

независимости помогали также согреться в холодные зимы, поскольку верхняя одежда была серьезной проблемой для молодого человека.

Вызовом обществу стал внешний облик эмансипированных «новых женщин», которые отрезали волосы, вооружились очками, отвергли корсеты, претенциозные украшения, громоздкие кринолины и турнюры и надели блузы «гарибальдийки», кофты с жесткими стойками, простые юбки, мужские свободные куртки, жилеты и блузы с галстуком. Свобода в выборе костюма была равнозначна борьбе за право на образование, свободу от принудительных браков и т.д. К началу XX в. сложился новый тип женщины, наравне с мужчинами борющейся за свои права. Костюм критически осмысливался феминистками с точки зрения функциональности и удобства.

В целом по литературным и изобразительным портретам можно судить о предпочтениях в одежде московской интеллигенции. Сознательный аскетизм в одежде стал отличительной чертой этого слоя. Простота и строгость наблюдались в костюме и мужчин и женщин. Даже славянофилы, появлявшиеся в середине столетия в ярких национальных одеждах, к концу века, переродившись в почвенников, стали одеваться строже.

Дворяне-интеллигенты одевались по моде, но просто и добротно, в соответствии с достатком, пользуясь услугами московских магазинов или покупая товары за границей. Средние и бедные слои интеллигенции одевались скромнее, лишь в самом общем виде отражая образцы «высокой» моды.

Простота в костюме интеллигенции была связана и с тем, что с каждым десятилетием увеличивалась численность разночинцев, сочетавших ремесла с творческой деятельностью. Бедность приучала к бережливости и экономии, прививала навыки переделки вещей. Об этом свидетельствуют воспоминания писателей и художников этого времени. До приезда в Москву освоил портняжное ремесло А.П.Чехов. Навыками шитья владел В.И.Суриков. Портным в Зарядье работал писатель И.А.Белоусов. Навыки ремонта и самостоятельного производства вещей были характерны для разночинной интеллигенции, тем более что наряду с получившими официальное образование в этой среде появилось немало крестьян-самоучек, несших привычки к простой и дешевой одежде.

Мода как социальное явление, рассчитанное прежде всего на молодежь, не могла найти в пореформенной Москве много сторонников. Хотя московские переписи 1862 и 1871 гг.

характеризуют возрастную группу 21-30 лет как самую многочисленную, здесь имелся в виду постоянный приток в Москву молодых людей, шедших из провинций на заработки и приносящих с собой крестьянское, а не модное платье. Слой образованной молодежи оставался незначительным. Нигилизм интеллигенции в костюме проявился в бойкотировании моды, отрицании светских условностей, в стремлении к простоте и удобству, свойственных одежде рабочих, крестьян, ремесленников.

В шестой главе **«Костюм “самодельного” населения Москвы»** исследуются вопросы, связанные с тем, как и где одевались средние и низшие слои Москвы, рассматривается костюм фабричных, мастеровых и ремесленников, мелких торговцев, извозчиков, мелких чиновников, а также анализируется проблема отношения к одежде в этих социальных группах.

Ко второй половине XIX в. сословное деление уже не отражало действительной социальной структуры. Московские переписи учитывали так называемое «самодельное население», т.е. имеющее самостоятельные средства к существованию. Сюда включались разнородные мелкие и средние слои города – выходцы из крестьян и мещан: мелкие чиновники, служилая интеллигенция, ремесленники, кустари, фабричные рабочие, цеховые, и т.д.

Хотя средние слои в подражание высшему обществу ориентировались на модный европейский костюм, основная стратегия этого социального слоя - подражание и копирование стиля высших классов. Отсюда понятие «мещанский вкус» - попытка не слишком состоятельных горожан дешевыми средствами подделаться под буржуазную роскошь. Использовались любые способы приобретения одежды, в том числе походы на Толкучий рынок.

Отсутствие массового производства одежды и высокая ценность качественных предметов гардероба помогала налаживать взаимовыгодные контакты. Например, портной расплачивался с врачом за услуги пошивом нового костюма. Подобный «договор товарообмена» мог заключаться также с лицами духовных званий.

Помимо сделок с портными, одним из важных способов добывания модных вещей были распродажи по сниженным ценам на «Фоминой неделе». В суматохе распродаж покупатель часто сталкивался с проблемами карманных краж и нечестностью поставщиков, продававших подделки и брак. Добиться обмена вещи оказывалось трудно, а потому новые вещи часто приходилось чинить.

По воспоминаниям современников Н.П.Розанова, А.П.Чехова, недорого купить качественные вещи в Москве было не просто, поэтому родные неоднократно просили А.П.Чехова приобрести различные мелочи за границей.

Нередко шитые в кредит, переделанные и отремонтированные, сопровождающие человека долгие годы предметы одежды становились частью личной жизни хозяина, поэтому отношение к вещам в мещанской среде было трепетным и «душевным». При быстрой порче имущества расставание с вещами оборачивалось серьезной утратой, но в этом случае на помощь обывателю приходили многочисленные мастерские по ремонту одежды, обуви, где потерявшую свойства вещь чинили, подгоняли и приспособляли в соответствии с желанием клиента. Распространенным способом преодоления короткого века вещи являлись штопка и штоковка, за которые неплохо платили, особенно в случае срочной работы. Для портных и мастеровых самым деловым временем был Великий пост, поскольку считалось обычаем обновить на Пасху одежду. Если вещь уже нельзя было починить или переделать, ее все равно не выбрасывали, а передавали старьевщикам, игравшим важную роль в дальнейшей биографии вещи.

В целом средние слои Москвы не имели возможностей постоянно следовать модным изменениям. Часто приходилось довольствоваться тем, что однажды удалось достать. Хотя в большей степени это относилось к работникам, приехавшим из провинций, у которых вплоть до начала XX в. сохранялась привычка к крестьянской одежде – рубахам-косовороткам, брюкам, заправленным в сапоги, армякам, поддевкам, чуйкам и сибиркам.

Можно говорить о формировании особой «культуры бедности» в среде «самодельного населения», когда вещь приобреталась на долгие годы, если не на всю жизнь. Сложное расставание с вещами порождало всевозможные попытки как можно дольше продлить жизнь «дорогих» не только карману, но и сердцу вещей при помощи различных практик ремонта.

В седьмой главе «**Костюм нищих, юродивых и попрошаек. Воры, обитатели и посетители “толкучек”**» исследуются особенности костюма и внешнего облика нищих и маргинальных слоев населения, анализируются такие явления городского быта, как воровство одежды и торговля ношенными предметами гардероба на блошиных рынках.

Массу профессиональных нищих, передававших свой промысел от поколения к поколению породил христианский обычай подавать всякому кто ни попросит. Старшие обучали новичков, как просить подавание и изображать мнимых слепых и калек. В этой связи особенности костюма и внешнего облика нищих играли важную роль в «профессиональном» заработке.

Как писал И.Прыжов: «...на образ нищего прямо перешло какое-нибудь древнее мифическое существо, и поэтому...видимое сострадание к нищему, часто ничто иное, как тайное сочувствие к забытому по имени богу». На основании этого мифического происхождения получили значения и все принадлежности нищего: сума Лазаря – святой кошель, палка Лазаря – нищенский посох и т.д.¹³. Вера людей в сверхъестественные способности нищих странников и юродивых к ясновидению и врачеванию помогала найти приют во многих домах. Суеверный страх внушали одеяния блаженных - железный колпак или упряжь на голове, тяжелые гремящие железные цепи с крестами – вериги, надеваемые в аскетических целях.

Остаток старинного барства – держать у себя для потехи юродивых и шутов, - перешел к купечеству и сохранился в городских торговых рядах. По воспоминаниям мемуариста Телешова, среди московских шутов были и психически больные, но в огромном большинстве это были мелкие плуты и дешевые кривляки.¹⁴ В массе нищих попадались люди самых разнообразных занятий, чинов и званий.

Помимо религиозной традиции, идеология российской интеллигенции способствовала романтизации паразитических элементов общества как жертв социальной системы. В этой среде рождалась и развивалась культура «дна» со своими понятиями и презрением к труду. Милостыня, шутовство, воровство и торговля на дешевых рынках были главными источниками дохода нищих. Нищие встречались в разных местах Москвы, но более всего на таких рынках как Хитровка, Сухаревка, и Толкучка.

Блошинные рынки в Москве не только были рабочими местами и притонами нищих, но и являлись важным показателем отношения москвичей к вещам. Несмотря на дешевизну, и сомнительное

¹³ Прыжов И. Нищие на Святой Руси. М., 1862. С.13,29.

¹⁴ Телешов Н.Д. Москва прежде // Московская старина. М., 1989. С.452.

происхождение на этом рынке можно было совершить удачную покупку, хоть и немного подержанную, но из хорошего материала и приличного вида.¹⁵ Характерно, что такими рынками не брезговали воспользоваться и достаточно обеспеченные москвичи. На Сухаревке, где сбывали краденое, можно было обнаружить свои пропавшие вещи.

На Толкучке можно было одеться с ног до головы, но многие искали дешевые вещи для переделки, ведь на толкучку сходились, старьевщики, у которых встречались даже еще не совсем вышедшие из моды вещи. На таком рынке могли оказаться просто старые вещи или претерпевшие значительные изменения, которые совершали с ними нищие-портные, перешивавшие за ночь краденые дорогие шубы, ротонды, платья в меховые шапки, жилеты, картузы и штаны.

Воровство одежды было распространенным явлением. Крали с вешалок в гардеробных, отлаженные технологии кражи одежды существовали в банях. Можно сказать, что грабеж был своего рода способом продления жизни вещей. Благодаря нищим-портным и блошиным рынкам вещи легко находили новых хозяев.

В целом различные социально-экономические факторы способствовали появлению нищих людей. Общее их количество на переломе веков только увеличивалось. Но в Москве - центре русского православия, нищенство имело еще и религиозную основу.

Важно отметить, что костюм нищего-«промышленника» представлял собой не просто живописные лохмотья, оставшиеся из прошлой жизни или добытые на дешевых московских рынках. Помимо чисто утилитарной функции, этот костюм имел свою эстетику и символическое значение, а также служил «профессиональной» одеждой, зависящей от создаваемого образа.

В заключении подводятся основные итоги исследования.:

1. По экономическим показателям Москва вступила в XX в. как лидер капиталистического развития России и в течение шестидесяти лет до революции произошли существенные изменения в материальной среде города и во внешнем облике москвичей. Однако прогрессивная политика столицы, модные современные манеры и новые технологии не смогли вытеснить патриархальных традиций.

2. Консерватизм, традиционность Москвы оказали влияние и на отношение к моде. Согласно выработанной теоретиками моды концепции «эффекта просачивания вниз» господствующий класс -

¹⁵ Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2005. С.303.

элита, после распространения культурных образцов, обозначающих их социальный статус, вниз к другим классам и слоям, устремляется за новыми модами с целью обозначить и сохранить свою групповую идентичность. Более низшие в свою очередь постоянно стремятся овладеть стилем высших классов не только по причине естественного желания улучшить свое положение, но и вследствие престижа, которым обладает элита.¹⁶

В московской культуре этого не произошло. Несмотря на увеличение к началу XX в. количества модных магазинов и мастерских, возможностью пользоваться их услугами обладал немногочисленный слой обеспеченных людей. Таким образом, мода оставалась прерогативой высших классов.

3. Сословность одежды оставалась значительным элементом московской культуры. Умение носить модный костюм, знание соответствия различных деталей ситуациям и правилам поведения приобретались только воспитанием. Поэтому модное платье, соответствовавшее ситуации и манере держаться, достаточно четко определяли социальную принадлежность владельца.

Каждая социальная группа и в начале XX в. продолжала жить своей жизнью по своим законам в своей части города. Социальные контакты с «чужими» были минимальными. В костюме это выражалось в различиях кроев и силуэтов, когда пришлых людей можно было отличить от коренных обитателей. Модные формы постепенно перенимались разными группами населения, но каждая из них, усваивая общий стандарт, интерпретировала его в соответствии с возможностями, ценностями, взглядами своего социального сообщества.

4. Согласно переписям основную массу населения Москвы, формирующую повседневный костюмный облик города, составляли рабочие, мастеровые, ремесленники, извозчики и мелкие торговцы. Одежда этих людей сохраняла традиционные силуэты, меняясь лишь в деталях. Кроме того, именно эти слои населения несли с собой навыки ремонта и опыт бережного хранения и переделки вещей.

¹⁶ Гофман А.Б. Мода и люди. М., 2000. С.153.

5. Костюм имел не только бытовое, социально-статусное, но и морально-психологическое значение. Вещи «взрастали» в жизнь человека, с ними были связаны воспоминания, пережитые горести и радости. Отсюда попытки как можно дольше продлить век предметов при помощи различных ухищрений и практик ремонта. Опыт длительного сохранения: починки, штопки, перешивания, передачи вещей «по наследству», на донашивание или старьевщикам - имелся у представителей всех социальных слоев Москвы.

6. Развитие моды в России оказалось задержано Октябрьской революцией, которая изменила взгляд на нормы внешнего облика человека. Признаком хорошего вкуса стали скромность и «простота». Атрибуты щегольства как символы праздности, барства и безделья исчезли. Костюм стал простым и случайным. Старая одежда еще больше комбинировалась, донашивалась, приспособлялась.

Таким образом, можно утверждать, что западная этика моды и культуры потребления, ориентированная на утилитарное использование, постоянное обновление и легкое расставание с вещами, к началу XX в. не получила широкого распространения в массе населения Москвы. В то же время консерватизм, практики ремонта, привычки к длительному хранению, передаче вещей знакомым часто встречаются и в современной московской жизни.

Предложенный в данной работе методологический подход к анализу московского костюма через призму концепции «культурной биографии вещи» позволяет обозначить направление для новых комплексных разработок тем по материальной культуре. Учитывая актуальность проблематики исследований городской повседневности, перспективным представляется дальнейшее рассмотрение связей эволюции костюма и социальных изменений в обществе.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Ермакова К.В. Мода и костюм как социокультурный феномен в традиционном образе жизни Москвы второй половины XIX в. (рукопись деп. В ИНИОН РАН 17.12.05 №59561).
2. Ермакова К.В. Костюм и социальные группы Москвы второй половины XIX в. (рукопись деп. В ИНИОН РАН 22.12.05 №59588).
3. Ермакова К.В. Мир вещей в повседневной жизни москвичей второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. История. 2008. №3. С.62-73.